

Сергей Хохлов

СКИФЫ

За туманной пеленой легенд

романтические поэмы

1. Кочевники,
2. Завещанный лук,
3. Ночная гроза,
4. Война с персами,
5. Тиргатао и Гекатей,

Краснодар

Сергей (Семен) Никанорович Хохлов

Кубанская земля хранит память многих тысячелетий. Древние курганы, возвышающиеся в степи, напоминают нам о той седой древности, о древних племенах и народах, прошедших один за другим через эти бескрайние просторы. Кажется, если прислушаться, то услышишь храп и топот коней, шум битвы, стенания раненых, скрип колес кочевнических возков, клекот орлов в поднебесье, да раздольные славянские песни. Древности дух где-то здесь, рядом.

Поэтому-то с огромным интересом вчитываешься в строки поэмы «Скифы» С.Н. Хохлова, нашего замечательного поэта, известного всем на Кубани своими стихами и песнями. Многие русские поэты обращались к нашей многовековой истории. Великий А.С. Пушкин был велик и в своих исторических поэмах, повестях, трагедиях. Многие из нас переживают историю через литературу. Особенно важно образное восприятие истории в детстве. Поэтому обращение С.Н. Хохлова к исторической теме знаменательно.

В поэме С.Н. Хохлова, как мне кажется, к древности можно прикоснуться, ощутить ее запах и вкус, услышать ее звуки. Описываются драматические события истории Северного Причерноморья и Прикубанья, происходившие 2,5 тысяч лет назад, «скифский поход» персидского царя Дария, даны отдельные детали истории, религии и быта скифов, меотов, сарматов.

Поэт пишет искренно и страстно, заражая фактом присутствия читателя. Несмотря на отдельные исторические неточности, думаю, что поэма «Скифы» - новое слово большого поэта, будет интересна читателям.

Зав. отделом археологии КГИАМЗ Е.А. Хачатурова

Скифы

ЗА ТУМАННОЙ ПЕЛЕНОЙ ЛЕГЕНД

Таинственная Скифия, скифы привлекают наше внимание не только изумительными сказками и легендами, но и тем, что еще в V-IV веках до новой эры многие скифские племена - главным образом кочевники, селились в бурно цветущих степях Причерноморья и Приазовья, на Тамани, т.е. на землях нынешнего Краснодарского края, - юго-западной и северо-западной его части. Это подтверждают "разбуженные" археологами, ушедшие в глубь земли древние курганы, места скифских захоронений, городища. Именно они подлинно золотые капища древностей, свидетели жизни людей тех веков с их культурой, страстями, любовью, сражениями, романтическими и драматическими подвигами.

О скифах писали греческие, римские, византийские и др. писатели в различные времена и на основании различных источников - и по мифическим сказаниям, и по народным преданиям, и со слов других, и как очевидцы. О них существует масса указаний и сведений у древних писателей, но сведения эти и указания настолько же разнообразны, насколько противоречивы", - писал автор Истории Кубанского казачьего войска Ф.А.Щербина.

Происхождение скифов покрыто туманною пеленою легенд и чудесных сказаний. Древнегреческий историк Геродот занес в свою Историю две интересные легенды об этом. Главное действующее лицо, отождествленное с Гераклом, приходит в Скифию после совершения ряда подвигов". От брачной связи его с фантастическим существом - полуженщиной-полузмеей рождаются три сына - Агафирс, Гелон и Скиф, родоначальники одноименных народов, обитавших в Причерноморье. "Геракл, уходя из Скифии, оставляет жене один из двух своих луков и пояс... и ставит условие, чтобы по достижении сыновьями зрелости они попытались натянуть этот лук... Он наказывает сделать владыкой Скифии того из сыновей, кто сумеет выполнить это задание. Победителем в этом испытании становится младший брат - Скиф, от которого ведут свой род скифские цари". (V-IV века до н.э.)

Примечательна легенда о грозной скифской царице синдов - Тиргатао и царе Гекатее - личностях исторических, подлинных.

Свободные скифские племена, подобно крылатому ветру, несущемуся по степям Скифии, не признали над собой ничьей власти, кроме власти бога Папая и богини Апи.

Могущественный персидский царь Дарий совершает поход через Понт*, чтобы утвердить свое влияние на земле скифов и принудить их к ежегодному приношению дани в казну Великой Персии. Однако, перед походом на Скифию, на совете в Сузах, младший брат Дария отговаривает его от этого похода: «Царь, только ты не гневься, а послушай: скифы народ дикий и неразумный, нищий народ, как сам говоришь ты; они не скопили ни золота,

чтобы нам обогатить казну нашу, ни рун, ни тканей, чарующих глаз цветом волшебным... Ни городов не построили. Дани мы с них не возьмем, силы лишь наши растратим в погоне за ними по диким степям». Царь Дарий, столько подчинивший себе племен и народов, не сомневается в своем успешном походе на Скифию.

Древние и современные историки противоречивы в оценке Персидской войны, одни называют эту войну "неудачным походом персов в Скифию", другие пишут более определенно: "Знаменитая война персов со скифами закончилась разгромом военных полчищ Дария..." (Ф.А. Щербина).

Завещанный лук

Древнегреческий историк Геродот пишет: "Главное действующее лицо, отождествленное с Гераклом, приходит в Скифию после совершения ряда подвигов".

От брачной связи его с фантастическим существом - полуженщиной-полузмеей рождаются три сына - Агафирс, Гелон и Скиф, родоначальники одноименных народов, обитавших в Причерноморье. Геракл, уходя из Скифии, оставляет супруге один из двух своих луков и пояс... и ставит условие, чтобы по достижении сыновьями зрелости они попытались натянуть этот лук...

Он наказывает сделать владыкой Скифии того из сыновей, кто сумеет выполнить это задание. Победителем в этом испытании становится младший сын Скиф, от которого ведут свой род скифские цари V-IV века до новой эры.

Война с персами

Прослышав о вольном народе - скифах, не признающих над собою ничьей власти, кроме власти бога Папая и богини Апи, и не приносящих дани в казну Великой Персии, могущественный царь Дарий совершает поход через Понт, чтобы утвердить своё влияние на земле скифов и принудить их к выплате ежегодной дани, как выплачивают её многие племена и государства, им покоренные.

Перед походом на Скифию, на совете в Сузах младший брат Дария предостерегает его, отговаривает от похода на скифов, говоря:

"Царь, только ты не гнеvisь, а послушай. Скифы народ неразумный, нищий, как сам говоришь ты, они не скопили ни золота, чтоб нам увезти на триерах; ни рун, ни тканей тончайших, чарующих глаз цветом волшебным, ни городов не построили... Они - как текучий песок, народ свободный, как солнце... Дани мы с них не возьмем, казны не пополним, силы лишь наши растратим...».

Но самоуверенный. Дарий не прислушивается к словам брата. В результате, в войне со скифами он терпит полный разгром, позорно с остатками войска (в бегстве) покидает Скифию.

ВОЙНА С ПЕРСАМИ*

Дарий - царь Древней Персии,

Сузы - один из крупных городов Персии,

Вияхна - староперсидское название месяца, частично совпадает с мартом,

Бессмертные - воины гвардии персов, гвардии всегда имеющей численность 10 тысяч человек,

Маги - жрецы в Древней Персии,

Заратустра - пророк и основатель религии,

Клюги - металлические наконечники копий,

Ахурамазда - бог древних персов,

Ахеменид - младший брат царя Дария,

Гобрий - командующий латников,

Триер – военное судно с тремя рядами весел и парусами,

Савроматы - соседские со скифами племена,

Стадия - 192 метра,

Сиргис - северный Донец,

Митре – бог победы,

Заяц, по верованию древних персов, считался чистой тварью,

Опия - девушка-сарметянка, принимавшая участие в войне с персами.

За туманной пеленой легенд

Завещанный лук

Еще ни кургана степного, ушедшего в вечные сны, на этой равнине,
ни черного ворона, с холодом глаз, на вершине его,
ни шлема,
копьем, пробитого мощным
ни черепа царя или
воина –
На сто ветров степь многоплодно раскинулась, со шляпками диких цветов
на стеблях тугих и колючих,
Мудро они - с листка на листок, - как будто время отсчитывая,
свои огоньки перекачивают.
Сдаётся, земля, как пушистый птенец - только, только на свет появилась -
Теплая и ароматная...

* * *

Скифское племя вниз по Вардану*,
лагерем стало за пойменным лугом.
Тут столько простора! - трав сладкосочных, пахнущих солнцем,
Злаков съедобных; тут носятся ветры,
в беге сражаясь с коней табунами,
Да птицы дикую степь измеряют, раскинув широкие крылья.
А люди - как бурные волны, катились по воле, ловили коней,
на холках горячих их повисали,
Пока дрожащий дикарь не падал в траву, - злобно яблоком глаза кося.
Скиф и рожден на коне, в степи, позлащенной звездным
мистическим светом,
Сросся, как в материнской утробе, своей пуповиной с природой:
с молниями, - с треском над степью рвущими небо;
Со снегом, с ветром свирепым с Азова.
Ничто не страшило скифов - народ, рожденный свободным...
Они почитали до трепета в сердце
Бога Папая и Апи - супругу Папая, плывущих на облаке светлом
над степью лазурной.
- Что видишь там, Апи?
- Отары овец и коней косяки, с пенистой гривой, волнам подобной
Вардана, да птиц многокрылых селенья;
Да синие стекла лиманов, слепящих глаза, да взгорков
в тумане серебряном цепи.
Вижу - летящих на диких конях, брюхами травы, в бег
обращающими, кочевников лохматоголовых, шальных и красивых.
Прошедшая ночь была беспокойной, как пламя огня,
объяла души волнением;
Сигнальный костер жрецов, крупные искры над степью рассыпав,
сзывал к священным ключам, к роце священной
Кочевников, степь населяющих дикую по Черноморью и

Приазовским лиманам.
Охотник Аспак - юноша смелый и дерзкий, вступавший не раз
В схватку со зверем с глазами искристыми кошки, тоже, пригнувшись
К шее коня летел через степь; неясное чувство в сердце вкралось его.
Вскоре Аспак узнал название этому чувству, кровью глаза
застылающему;
Подвига жаждало сердце его; ревность кровь его будоражила.
Сегодня у скифов особенный день; сегодня братья Агафирс, Гелон
И Скиф, младший брат их,
Сразятся за право назваться скифским владыкой, за право надеть
венец
повелителя Скифии.
Более из троих Скифа Аспак ненавидел; предчувствие в сердце
горело
Всей кровью дикарской Аспак соперника чувствовал в нем.

Завещанный лук

Собрались от всех пепелищ: сарматы, псессы, фатеи и иксаматы,
Красавцы, морем пропахшие Синды.
Толпились у входа в шатер,
Покрытый шкурами яркошерстными - барса и леопарда, и шкурой
Быка огненно-рыжей, перед входом в который, - как на жаровне,
угли красные тлеи.
А у священного дуба, где ключик, раздвинув траву,
о чем-то беседует с небом, -
С богом Папаем и Апи,
Жрецы куренья кладут на красные угли, из рога священного
Жертвенной кровью их поливают.
Да примет достойнейший самый из братьев венец
царя и владыки!
И девушки Скифии, по крупноросистой степи - неспроста
на лошадях с пенистой гривой, как амазонки, примчались сюда, -
К шатру, покрытому шкурами барса, быка огненно-рыжего
и леопарда.
И на ногах красавиц - от быстрой езды через степь, от трав,
опаливших
им крепкие ноги,
Зеленые полосы ярко сияли на белом, словно особые их украшения.
Табити - сарматка, застенчиво рдела лицом;
многие взгляды достойных сходились на ней,
Она ощущала их каждою клеточкой - шеи, плечей, колен
лучезарных...
Аспак глядел на нее, огненных глаз не сводя. "Будешь моей! - шептал
он губами дрожащими. - Или ни чьей. - И стрелы потрогал в колчане.

Но вот из шатра - жрецы вынесли лук,- трость тверже скального
камня.

Кто сможет из братьев согнуть эту трость и тетивую
скрепит два конца?

Жрецы - в мерцающих белых одеждах - пали на лица:

Да будет царь Скифии высокою метой отмечен - бога Папая и Апи,
супруги его!

- Царь! Вот жена тебе!- скажут жрецы победителю - юноше,
могучей рукой изогнувшего трость. -Укрась ее шею огненно-белыми
бусами - зубами, вырванными из пасти зверей.

Вот первому лук с трепетом подали, по завещанью отца,

Агафирсу –

Он старший из братьев, рожденных от брачной связи Геракла,
и странной богини;*

Известно: один из трех сыновей Геракла станет Скифии первым
вождем,
миру еще неизвестной земли.

И ревность Аспаку глаза застелила, зубы заскрежетали, будто камень
разгрыз он.

Все с напряженьем следили за каждым движением Агафирса;
в час напряженья
лишь стук сердец нарушал тишину.

Вот Агафирс ладонью провел по солнцем слепящему луку,-
глаза его вспыхнули,
будто красные угли искры швырнули: он грудью всею налег; камень
под тростью раздвоился, вена на лбу напряглась,
виски затрещали;

но тщетно...

Люди дыханье глотнули.

Но вот второму из братьев - Гелону подали лук, он, двинув бровями
и волосами тряхнув,

Взял его в мощные руки. И так же, как брат его старший,
рукою погладил, казалось, смеющегося
дерева трость,

Трость - камня тысячелетнего крепче.

И камень второй раскололся на части от трости, упершейся в камень.

Гелона лицо перекопилось от напряженья, кровью лицо налилось;

Но тщетно...

У многих на лицах выступил пот и пятна - разных цветов -
на них появились:

"Ну, если старшие лук не смогли натянуть..."

"Да, посмеялись боги над братьями".

Но вот третьему брату - по имени Скиф лук поднесли,
как камень - негнущийся.

Кочевников лица сменили цвета, особенно сильным
стало крови напряженье.

Скиф взглядом обвевел глядящих в лицо, требуя что-то;

сотни огненно дышащих ртов плечи ему опалили.

И вот среди множества глаз - глаза засветились прекрасной Табити;
он видел в них только любовь, -

Огонь, передающийся сердцу его.

И вдруг, ртом сухим, как зола, понимая, что это безумство,

крикнул Аспак с улыбкой фальшивой:

- Скиф! Боги отвергли братьев твоих! Постыжены братья богами..

Подумай! –

Он так осмеянным видеть Скифа хотел в присутствии дивной Табити.

- Скиф, сам откажись... Стыд не опалит лица, неизогнувшему лука...

Толпа, замерев, глядела на Скифа: что скажет? По ясному Скифа
лицу

волна прокатилась, смутившая всех.

И вновь он увидел глаза прекрасной Табити.

- Скиф, - снова запаленным ртом крикнул Аспак.- Не накликай

на племя позора...

И истерический хохот Аспака гулом по скифской земле прокатился,

глаза ему злобой затмил.

Он не заметил, как Скиф, к жертвенным углям склонившись,

бросил куренье на них и каплями крови, (Скиф запястья рассек),

жар пылающий сдобрил.

И жилы на лбу напряглись, послышался хруст

неизвестного дерева, согнутого силой его.

Он лук, натянув, в пальцах сжал стрелы оперенье...
Во рту кочевников застряли слова и дыханья:
Пред их глазами чудо свершилось: стрела, с воем и свистом ушла
В глубину бесконечного неба, лишь струйка дыма за ней серебрилась.
Никто не сдвинулся с места, глазами никто не моргнул, лишь после,
время спустя,
Тысячи глоток, на тысячу стадий скифскую степь сотрясли.

Жрецы, побледнев, в священном ключе рог золотой
влаги бессмертной набрали,
И Скифу пренесли, как власти и мудрости чашу.
И тетива заиграла...
Такого не видел никто в наполненной дивами-дивными Скифии.
Какая же сила в руке, согнувшей трость, что богам лишь под силу
Согнуть и тетиву натянуть?
И поняли все: это царь их! И все пред ним преклонились.
А иксаметянки, сарматки, меотки, красавицы племени синдов –
все, которые вышли в невесты, зардевшись, стояли,
Под грудями рыжих волос, пряча глаза, глядели на Скифа,
и восхищались
Глазами его - цвета степи, когда по стеблям тугим катятся
сине-молочные росы;
Лицом, охваченным зноем и ветром, в котором не жёсткость,
а мужество мужа-воина дышит.

И минуло время ...
И жизнь потекла, как по травам сизо-молочные змеи тумана.
Коней косяки носились хвосты и гривы раскинув летали
ливням и ветрам навстречу,
А юноши с поясами на бедрах: с колчанами и арканами
из жесткой шерсти зверей
Соревновались друг с другом в ловкости
лютого зверя
Перед собой на колена поставить; стрелу над головою
свистящую
Поймать на лету.
Из них - белозубых, лохматоголовых
Скиф окруженье себе подбирал.

Ночная буря

Ночь - чернота, как чёрная шкура зверя пещерного, нависла над
степью.
Лишь в ослеплении молний и дикого с моря
летящего ветра,
Пенились сизые травы, к земле прижимаясь, и птицы

из гнезд вылетали,
грозою глаза им слепящей;
Были они неестественно, призрачно белыми,
словно волшебные духи,
С криком над стойбищем скифов носились
и в глубь небес улетали.
И Скиф, отмеченный метой богов, и кровные братья его -
Агафирс и Гелон,
напуганных громов раскатами,
в загоне коней запирали, а кони
Храпели - из тьмы глаз их зеркала дико сверкали,
копытами землю долбили;
Ограды загона, что их держали, пытаюсь разбить,
чтобы, схватившись в единоборстве
с ветром могучим,
Нестись через степь, так же лихо, как ветер несется степной,
или, как молнии,
рассекшие тьму от края до края небес.
А на рассвете - внезапно, гроза, обессилив,
громом последним ударившись в землю,
в небо ушла...
И братья, - покинув ночное укрытие, ладонями лица обмыв,
устремились
К загону, травой шебурша: неясное в сердце предчувствие
их кровь волновало.
И не обмануло предчувствие: ворота загона (заперты были надежно)
настежь открыты;
Косяк кобылиц, хранящих в сосцах молоко, - особо
в племени скифском ценимых,
исчез. —
И Скиф, - не поднимая тревоги, чтоб не было в лагере шума,
вопля - невыносимого - женщин, -
Стрел свирепых колчан к поясу быстро приладив,
копье зажав в кулаке,
Взлетел на коня; братья Гелон и Агафирс в точности все повторили.
И кони, копытами пеня траву, гривой тряхнув, помчались быстрее
перечеркнувшей
небо звезды
"Псесы, наверное, здесь побывали, - подумал, - или..."
Догнать! - Скиф себе приказал, каких бы усилий и риска
не стоила эта погоня,
и проучить плутоватых соседей.
И кони, стелясь над землей, брызги взбивая ночные, летели,
вытянув шеи,
Казалось, земля навстречу катилась им под ноги со скоростью
горного, рвущего камни, потока,
С каждой минутой угонщиков подлых к ним приближая.

Вот след табуна - копытами травы посечены. А степь на рассвете
бела, как облако бога Папая;
Даже не верится, что может она кровью живой обагриться сегодня,
так утро прекрасно.
Но вот, оглянувшись на них, - недруг пускает стрелу Скифу в упор.
Но с треском стрела на сто лучинок расколота
Скифа встречной стрелой.
И вновь, тетиву натянув, - недруг вторую стрелу первой вдогон
посылает.
И та, ударившись в пряжку тяжелого пояса Скифа, - свист издав,
разлетелась
на белые брызги.
И Скиф, брови нахмутив, с сердцем, не знающим мщенья,
пускает стрелу.
Стрела просвистела над утренней степью –
Трава обагрилась, как будто заря по ней потекла.
Угонщик, лицо запрокинув, рухнул в горючие травы, под ноги
грозно храпящих коней.
Тем временем братья - Гелон и Ада* наперерез табуна +
поскакали.
Угонщики, в солнце им бьющим в глаза, их не заметили:
братья
верный избрали манёвр:
Решив бег жожака укротить, путь, преградив ему дикий
бешеной скачкой навстречу,
столь же свирепых своих лошадей.
Жожек яростно мчался, ноздри свои раздувая, прямо на них,
и видели братья: растопчет, кто станет ему на пути.
Но вовремя Скиф подоспел, на полном скаку -
не вспрыгнул - перелетел с коня на коня,
И горло сдавил жеребцу: тот взвился, всем телом дрожа, и,
словно вкопанный стал,
почувствовав властную руку.
И, растерявшись, табун, летящий за ним, ржанье издав,
кольцом жожака окружил.
Угонщики, дрожь в руках ощутив, стрелы пускали - зло, но не метко.
Их отражали легко иксаматы и ни одна их стрела цели своей
не достигла.
Угонщиков трусость объяла. Знали: негнушийся лук,
В руках нечеловеческой силы Скифа стоном живым застонал,
в день испытанья,
И - стрела, калёная в высших огнях, в горнилах бога Папая –
со свистом и воем, небо пронзив, не возвратилась на землю.
Об этом с восторгом и благоговением,
По черноморским степям, по Боспору, по Приазовью -
кочевники пели легенды,
Звоны струн разливая, и дивное пение дудочек желтых камышин,

волнующих души кочевников.
Угонщики дико сверкали глазами; подговоренные дерзким Аспаком
на этот безумный набег –
не бросились в бегство.
А Скиф, смертью их наказать не желая, – он мстительным не был –
метко пускал свои стрелы:
Руки им поражая, пальцы, колени, лишая возможности
луком владеть и стрелой, смерть над равниной несущей.
Аспак - был он безумен и дик - знал, что никто - ни брат, ни отец
у костра родового, не скажет ему слов одобренья за этот набег, -
он будет призрен.
И - круто коня повернув, со скрежетом крепких зубов,
с горечью в горле,
коня - верного друга ему - ударом копья оскорбил.
А смельчаки ночного набега пощады, глаза опустив, попросили
у Скифа.
Табун лошадей, взмыленный в беге, грудью ветра струи разрывая,
Несся по дикой степи, пьянящей травами, солнцем и молоком
кобылиц.

ВОЙНА С ПЕРСАМИ

Во мгле языческой дубравы,
В года забытой старины
Когда-то жертвенник кровавый
Дымился божеству войны...
М.Ю.Лермонтов

Шли времена; одни оседали курганы, травой зарастая степной,
другие - будто из недр земли поднимались,
дымилась, курились в степи по утрам;
Не скоро, не скоро расскажут они о тех, кто лежит под шатрами их
черными
многие, многие лета.
Кочевники-скифы, диких коней укрощая, - с ветром или навстречу ему
Летят по утрам, лишь белые камни зубов их с солнцем играют.
На этой земле они никому не подвластны, как ветер степной, как травы
Бегущие, валом катящиеся, вскипая, кочевнику душу волнуя
движеньем.
- Боги, Папай и Апи, да будет так вечно!
Об этом, молясь, на жертвенном камне кровь тельца проливают
жрецы...
Пахучие травы - куренье, тлея на углях, струйками в небо плывут.

Заморские купцы

Гостеприимство кочевников-скифов знали купцы -
в торговых делах искушенные греки.
Знали тропинки, через Босфор переправясь, к кострам их, к шатрам,
в необозримой степи.

Нередко купцы,
Ножами рубя куски оленины сочной, ели, рты обжигали и запивали
напитком густым из молока кобылиц, пьянящим, как травы степные,
Сидели со скифами с восхода луны до заката её за курганы,
взоры свои обратившие внутрь;
Купцы - Мильтиад и Продик - были особо желанные гости
царя Иданфирса*;
Щедрость царя восхищала купцов: пушистыми шкурами ценного
зверя
скифы платили
За привозимые ими товары: шлемы, кольчуги, колчаны, мечи;
От них и узнал царь Иданфирс, в какие бьют барабаны за морем
в Сузах*;
- Царь Дарий злое задумал, - сказали. - Молит могучего Митре*,
стоящего среди боя, дать мечу его новую славу.
Готовится в новый поход.
Тыщи копий и стрел, кровь полюбившего Дария, небо затмили
над Персией.
Рвут барабаны ушей перепонки.
- Знаю давно: Скифия "ворону" взоры туманит, - молвил царь
Иданфирс- Но Скифия больше, чем Дарий и аппетит его волчий.

Персидский царь Дарий

Слух о подвигах скифов смелых и никому не покорных
Дань никому не плативших - ни пряжей своих тонкорунных овец,
Ни шкурами ценного зверя, ни табунами коней, -
Достиг ушей царя, поражений не знавшего, грозного Дария -
повелителя персов.
И Дарий задумал шагнуть через море в дикие скифские степи...

Нашествие

И вот на совете в городе Сузы, в первый день весеннего месяца
вияхна*,
Который сияньем своим ослепил окна чертогов, хижин бессмертных;
лица купцов цвета песчаных барханов;
Ковры, гобелены, тончайшие ткани; курганы оранжевых дынь,
амфоры с росписью дивной –
Молвил любимец Ахурамазды* - царь Дарий,
столько племен покоривший!
- Скифов - народ неразумный и дикий, не приносящий нам дани,
жестоко накажем!
Робко ему возразил на совете,
Брат его младший, но Дарий не внял его слову.

Скифия

По горизонту широкой степи, сколько охватывал глаз, - огни,
как золотые колеса катились,
искры в траве рассыпая.

Скифы не спали; тревога по травам ползла, шелестя,
как волчица,

К самой земле прижимаясь.

И кликнул царь Иданфирс дружину свою, взглядом окинув
кочевников - потомков лук натянувшего Скифа,
братьев* - кровью повенчанных.

И слушали краткую речь царя Иданфирса:

"Не на матерого вепря - бивни вперед несущего в пене, не на быка,
с глазами налитыми кровью,

Не на медведя с крючковатыми когтями, охота нам предстоит,-
царь Дарий персидский
сотнями тысяч копыт

в железо одетых коней, скифскую землю, глумясь, попирает.

Скифы, вы слышите сердце? - угля горящего в нем? Кровь гудящую
в жилах?

Наденьте горящие золотом латы

И скифы единым дыханьем, мощью своих голосов заполнили вмиг
пространство между землею и небом; с неба посыпались звоны.

- Так, царь Иданфирс! Наденем!

* * *

Опия - дочь сармата Турага, кольчугу надела и шлем позлощенный
с забралом -

Подарок купца Мильтиада, примкнула к дружине царя Иданфирса;
Кочевник Агар, увидев её, был изумлен - глаза! - он клятву бы дал -
ослепительней вспышки,
высечь не сможет из камня

летающий во тьме копытом подкованным конь.

Дикая синь Агару глаза захлестнула.

Агар волнуясь, приблизился к Опии;

Не знал Агар до этой минуты, о чувстве, которое сердце
так сильно заставило биться.

Агар у многих костров соплеменников, под тонкие звуки камышин,
И струн многозвучных - песни, луну колыхавшие пел.

И девушки с шумом и хохотом, его завлекая, манили за круг костра,
охватившего степь на стадию целую.

И вот, сердце отвергло их разом - лица их растворились - лишь Опия.

"Ты первая будешь жена мне!" - крикнул, едва желание сдерживая
ее обхватить, в седло к себе посадить.

Воина кликнули; нарочным - срочно к оружейнику-греку с письмом
царя Иданфираса

надо лететь; и он полетел, скорость в пути набирая,
всем сердцем своим ощутил вращенье земли

под ногами коня.

... Скифы, упругий тростник раздвигая, шли молча в направлении
Босфора,
так тихо, что шорох змеи в росистой траве было слышно.
Персы, на расстоянии несколько стадий от скифов,
раскинув шатры,
На угольях пышущих жаром, тельцов истекающих жиром,
слюни глотая, вращали;
песни храбрейшие пели:

Наши мечи остры,
Конья наши длиннее, чем ветер степной.
Перед нашей силой склонились, пали на лица,
Все племена от Египта до Греции.
Все покорились царю царей - Дарию!
Скифы, падите к его сапогам,
Дань принесите достойную.

Так персы тельца вертели на длинном копье над красными углями,
гимны грозно свои распевая.
Дорогу они претерпели суровую: море кидало триеры их,
бивнями волн ударяя
в борты, которые стоном стонали, скрипели
каждым суставом.

Черные лица рабов, прикованных к веслам, были от страха белей,
чем луна на рассвете.
На одуряюще пахнущей солнцем скифской земле персы решили
Ногу свою утвердить: порушить веру глупую скифов, наивную,
Как забава детей: веру в камень, в траву, ежами торчашую у
родников;

В дымку пьянящую ранних костров жрецами зажженных.
А главное - дань! Не приносящие дани не могут владеть землей
Краев неимеющей - Скифией.

Наши мечи - дышат огнем, который нам
Ниспослал бог победы Митре...
Маги сегодня, в полную звуков таинственных ночь,
особо усердно молились:

Да осенит Ахурамазда -
Царя царей - меч его страшный, как пламя, когда он из ножен
в гневе

его вырывает.
Да осенит Ахурамазда этот меч на подвиг - скифов - народ
неразумный
никчемный,

Согнуть, словно трость, выдержанную - на лук, заставить
лохматоголовых
признать царя царей владыкой над Скифией, послушными быть

как в колчане свирепые стрелы.
Тем временем,
скифы, таясь в тростниках топких лиманов, где звон комаров,
да плеск гуляющих сытых сазанов,
скрываясь,
с рассвета следили за высадкой персов, мост наводящих
через пролив;
Сколько видело око, войско Дария в грозных доспехах,
в шлемах, медью слепящих и латах
Шли через мост поступью твердой ступая на скифскую землю, смолкшую вдруг,
как в травах шумливых с неба слетевшая птица.
Казалось, из моря, сияя главами желтыми - не люди, а слившись
в единое желтое пламя,
выходит огонь, пожирая равнину.
Скифы смотрели дыхание сдерживая.
Солнце меж тем тысячи стадий прошло - от края до края земли,
а персы все шли,
Блестящие, словно откованные на наковальне руками волшебников,
в количестве страшном, бессчётном.*
Чайки вдали мельтешили над пахнущим рыбой проливом, их крики
были похожи на плач.
А выше их - в небе бездонном, крылья широко, как ночь
распластав,
Черные птицы ходили кругами.
А тьма между тем приближалась, степь покрывалась мерцающей
бледною дымкой;
луна, в облаке прячась, всходила над степью так же безмолвно,
казалось, боясь к земле прикоснуться.
Группами, от стойбища к стойбищу скифы съезжались беззвучно,
как воздуха волны катились,
кожей копыта коням обвязав.
Съезжались цари и вожди и старшины - племен населяющих
Скифию.-
Тысячелетья обитающих здесь на равнинах открытых для солнца и
молний,
с курганами древними предков;
Съезжались по зову царя Иданфирса - племени гордых сколотов,
мудрость и смелость которого,
были известны далеко
за пенистым Понтом*, не только за синим Босфором;
В шатре Иданфирса - с коврами и ценным оружием
скифы держали совет *- краткий, трижды каждого слово взвешено было;
Здесь многословье, как лукавомысле были презренны.

* * *

Агар скакал по степи крупной росой покрытой, скакал,
не зная в пути остановок;
царь Иданфирс надеется на расторопность его.
И было легко на душе Агара под белым шатром бога Папая и Апи,
его осенявшем.
Агар чутким ухом охотника слышал всю степь:
все голоса небес и земли.

Но странно, куда бы ни ехал Агар- пред ним,- так казалось Агару,
Где бы конь его не ударил копытом, синее пламя взлетает: даже
С веток дубов сыпался синий огонь;
Так много хватил он глазами сини слепящей
Глянувшей раз лишь в глаза ему дивной сарматки.

Но был Агар в напряженье, как тетива, рукою сильной натянутая;
Он знает: тут всюду дозоры: где-то вблизи - рядом совсем -
у догорающих углей,
Персы стрелы и копья готовят к сраженью, точат на камне.
Сейчас - лишь заря зажжет первый лист на таинственной
роще вдали,
Только лазутчик сигнал им подаст - сотни бессмертных
взлетят на коней.

Лицами к холкам коней прижимаясь, рванут удила.
И вот он увидел вдали: над валом катящихся трав шлем золотой:
шлем то взлетал над высокими травами,
то вновь в пене их бурной тонул.
. "Опия!?" - чуть ли не вскрикнул охотник, трепет почувствовав
в сердце;

Сейчас он скажет прекрасной сарматке и том, что решил:
скоро костер (самый яркий в Скифской степи) вместе они разведут.

И конь Агара в галоп перешел, легкие ноги бросая вперед,
казалось, конь измеряет равнину степную.
Но, приближаясь в предугрненной сини Агар разглядел:
лицо побледнело Агара: "Перс?!"

И сжал он в руке копьё меткобьющее, влагу в ладони почувствовал:
нет, он копьё не метнул в спину врагу - надо увидеть лицо,
чтобы и мертвый запомнил перс встречу эту со скифом;
И тут его свист - дикий и яростный, над степью пронесся; и перс,
(а это был перс), резко, корпусом всем
обернулся к Агару,
и в это мгновенье копьё с силой ударило в грудь железную перса.
Удар выбил его из седла, но перс...
Кривой его меч остервенело блеснул и, словно кровь, багрянец зари
прокатился по лезвию и ринулся перс с копьём и мечом на Агара.
Сколько их бой продолжался - знают лишь степь да заря, да трава
чёрною кровью перса омытая.

А царь Иданфарс стоял в окруженье вождей и старшин;
Сосредоточенность и нетерпенье лицо выражало царя:
он ждал возвращенья Агара: латы нужны до зарезу.
И вот из зарослей ближних шиповника птицы с шумом
взлетели,
крылами воздух черпая,
И вслед, на взмыленном пегом коне, будто преследуя птиц,

вылетел смелый Агар раскрасневшийся, гордый, счастливый;
ведя за собой в поводу коня сраженного перса

Он быстро кинул трофеи в траву и голову перса к ногам
Иданфирса -
оскаленную, обритуую, с глазами, как мутные желтые стекла, -
и, лошадей отпустил.
И все онемели, лица меняли цвета; с прилипшими языками к гортани
глядели они - то на голову перса, первую голову
срубленную в этой войне, то на Агара.

И молвил царь Иданфирс (так же взволнованный) старшинам
и сотникам, все еще находившимся под этим сразившем их
впечатлением.
- Персов водить за собой на расстоянии пущенной скифской,
воюющей в лёте стрелы,
Или конья, щит пробивающего, вдогон летящего перса;
Стараться вести их вблизи камышовых лиманов с горькой водой
и топкою почвой;
Колодцы с водой, уходя, засыпать, стада и отары овец угонять
в темные роши.
На жертвенник кровь тельца пролилась, трав ароматных дымок,
От угольев красных виток за витком в небо поплыл:
и жрецы

В слепящих, как фосфор, одеждах молились усердно:
Бога Папая и Апи просили услышать мольбы их:
Скифию от злобных пришельцев спасти.

И молвил царь Иданфирс:
- Скифы, жрецы, помните старую песню о славном охотнике-скифе?
Он зубы из челюстей вырвал и когти из лап леопарда,
который к его подбирался загому ночами на лапах неслышных...
Шел нагло тот зверь: под шкурой его мышцы ходили, как камни.
Он нанизал его зубы и когти на тонкую жилу дикой козы,
И в праздник новой луны невесте своей подарил...

И вот зверь силы неведомой, мышцами нас устрашая,
к нашим загонам приполз.
Скифы, вырвем же когти и зубы его и нанижем на тонкую жилу!
И гул голосов одабренья кипящие травы склонил.
- Так, царь Иданфирс!
Тревогу, не трусость в сердцах ощущали дружины царя Иданфирса
Как братья они в глаза посмотрели друг другу, клятвой связали себя
пред небом бога Папая и Апи,
В священном ключе лица омыли.

А грозный царь Персии - Дарий твердо решил: скифов, умеющих
только на борзых конях летать по степи,
искоренить, как ядовитые травы;

Данью их обложить.

Три дня и три ночи совет заседал. Персы в военном искусстве
сведущи были: это могли подтвердить все племена
персам дань подносящие..

К тому же Ахурамазда Дарию ночью явился с жезлом победы.

Знак не малозначительный. Долго глядел он на Дария;

но трудно было понять, о чем говорили глаза его; и - странно,
в руку царя царей с таким напряжением ждущую,

жезла победы не отдал.

Виденье - быстро, как - сон растворилось

и Дарий спросить не успел:

Кому предназначен жезл победы? И этим смущен был великий.

Долго маги не знали ни сна, ни покоя, разгдку искали, но то
что приходило на ум их, страшно было сказать...

"Персы! - Дарий сказал, - поднимем мечи и копья бесстрашные
наши!"

Скифы

А скифы тем временем, чувствуя эту опасность, заранее
навьючили жарких коней и буйволов черных, тихо, бесшумно
Под пеленою предутренней рани

стада направляли вверх по реке.

- Там есть излука вверх по реке, с сочными травами,
скрытая тенью дубов, там лагерем станьте.

И заскрипели колеса повозок, и двинулись в путь при первой звезде,
вдоль бьющего волнами в берег потока.

Хмур был Агар; коня он рысью пустил; сердце неясное чувство
томило; Опия, эта сарматка! строптивая и своенравная

в лицо посмеялась ему:

"Нет, - сказала, - ни первой женою твоей и ни пятой не стану,
в шатер твой приду... Единственной только!

Охотник вскипел, блеснули глаза его дико: "Но ты будешь первой!
хозяйкой в шатре!" - "Единственной!" - Единственной! твердо сказала
сарматка.

И конь ее верный взлохматил траву, улетаю

И вот он видит её, в шлеме ее золотом: кажется даже и шлем
Смеется над ним, осыпанный искрами новой зари.

Губу Агар прикусил: мятежность в сердце его появилась:
Сейчас он ее, схватит и силой заставит

женой ему стать.

И вот», Агар», в галоп пускает коня, "Сейчас!" но тут же порыв и бурно кипящую кровь сдержал удалец,
К царю Иданфирсу позвали.

Персы

Война была начата...

Но не было воинства, с которым надо сразиться, сколько, ни ехали
персы,

По травянистому следу коней пролетевших.

Как-будто они, как роса, рассыпались и с ветром вдаль улетели.

И вспомнил царь слова младшего брата в Сузе на первом совете.

- Царь, только ты не гневишься,

а послушай...

Скифы народ неразумный, как сам говоришь ты, и глупый.

Они не скопили ни золота, чтобы на триерах нам увезти;

Ни рун и ни тканей, тончайших, чарующих глаз, цветом волшебным
как ткани персидские. Слава Ахурамазде!

И городов не построили...

Они - как текучий песок! народ неразумный, свободный, как солнце..

Третью неделю идем мы, казалось, по явному следу, а где они
скифы,

Чтобы сразить их мечом, или копьем». Или коня заарканить?

За ветром мы гонимся, брат... Дани мы с них не возьмем,

казны не пополним.

Силы лишь наши растратим.

С вестью хорошей, с мечами в крови полыхающей скифов,
не возвратилась

Дарий лишь скрежетом белых зубов искры холодные высек, Но в
сердце почувствовал гнев, уязвленность.

На новом совете

На новом совете, круг приближенных, строгим окинувши
взглядом, Царь
повелел скорописцам решение своё изложить на папирусе:

"Я, Дарий, Ахеменид, сын Гистапса, царь царей, властелин Персиды
и многих племен; Царь
Иданфирс, сколько можно в зарослях прячься, бегать
от сильных моих?

Если ты можешь противостоять силе испытанных персов -
Выстави войско свое на равнине,
Лицом к лицу с войском моим, чтобы сразиться в открытом бою.
Но если ты слаб - признай это, царь, и своему властелину
землю и воду в дар принеси,
в переговоры вступи.
Тебе, как царь царей, и воин испытанный, совет свой даю:
не надо метаться, как тень, по степи,

С поклоном к моим сапогам припади, я решу твою участь.

Я, царь царей,
бог Ахурамазда создавший небо и землю - создал меня, Дария, сделал
царем, единым над многими. Помни об этом!

Письмо Дария вызвало гнев, наглость перса, назвавшего дерзко себя
властелином Скифии вольной, царя Иданфирса. Их глаза полыхнули, как
лезвия острых мечей.

Иданфирс

- Персидским послам передай, - приказал Иданфирс Басадоксу*
свиток, который я кровью заверил:
Царь Дарий! Если ты хочешь узнать уменье наше сражаться,
найди могилы отцов наших славных,
Попробуй порушить их, перс, и узнаешь, как скифы
умеют сражаться

За то ж, что назвал ты себя владыкой моим, заплатишь ты дорого,
Дарий!
А властелином моим я признаю Зевса и Гестию, скифов царицу... Я
так сказал!

Вчера еще скифские степи с пением птиц, серебро рассыпающих

шла, лицо подставляя солнцу степному. Конь ее
верный дышал ей в плечо,
будто пытаясь утешить наездницу смелую дыханьем своим.

Но вдруг он зафыркал, тревожно всхрапнул и Опия вздрогнула:

в траве перед ней - в высокой и душной от жара,

воин лежал:

на лице капли крупные пота дрожали. Глаза
его жили. Увидев к нему лицо, низко склоненное Опии, перс
веки сжал поплотнее, чтобы не видеть жесткого взмаха руки
над головою своей.

Знал он законы войны.

Сейчас меч этого странного воина,

на солнце блеснет, смертью направленный, И
блеск этот будет последним в жизни его.

Глаза ее синие вспыхнули: Опия в первом порыве, с кровью
стучащейся в жилах,
Схватила за меч, чтобы, взмахнув им, увидеть, как в бурьян
покатилась его голова.

И вот её меч блеснул острием - полоснул ослепленьем черных зеркал
в солнце слепящем...

"Сейчас, - мелькнуло в сознании перса, - скиф рукою суровой голову
с дымною кровью мосй, за волосы крепко схватив,

в небо взметнёт, И

кровь - струями хлынет на голову скифа и на доспехи и скиф
победой своей насладится. Но

вот, хмель затуманивший взоры сарматки - исчез,

Опия меч опустила.

В траве перед ней лежал не матерый боец, прожженный в
сраженьях - ребенок, с первым пушком на лице.

Лицо, разглядев его тонкое, нежное, Опия села к его голове. Зачем
он приехал сюда на чужбину, где все первозданностью

скифскою дышит, Где

степь травянистая с табунами коней, с рыканьем зверя,

со свистом стрел,

тьму рассекающих ночи -

трепет в скифской крови вызывает;

Где тысячи дивных костров колесами катятся по краю небес и земли?

Зачем он приехал сюда?

1

сколько в лице его мужества, силы. Да, он красив...
Агар же, взглядом окинув её, коня пускает в галоп,
лишь из-под копыт земля и цветы полетели в лицо ей...

Побойся, перс, его встретить!

Первый ропот персов

Рождалась луна, округлялась, вновь становилась ущербной, а персы
(веселость утратив), терпенье теряя и воинов, коней загоняя,

спешили по скифскому следу, который – то

Разбегался на двадцать сторон, то снова сходился. Персы роптали:

В степи, куда завели их эти лохматоголовые псы, нет ни воды,
ни скота,

Чтоб шкуры содрать с барана, с быка ли, на углях зажарить
И рвать зубами сладкое мясо.

Таяли силы. А скифы, кобыл подоив, пили парное хмелящее их
молоко,

И никакая усталость воинов их не брала.

Скифы были готовы - полдень ли, ночь - мчаться, персов водя за собой,
И поражая их стрелами.

Клятва

И царь Иданфирс приказал, собрав царей и старшин скифского
войнства,

Чтоб скифы - каждый, одевший доспехи, по вороху веток сухих
принес

И ворох на ворох сложили.

И вырос стог размеров внушительных. Когда же пришли к завершенью,
сверху жертвенной кровью козлов и быков полили

По случаю этому заклянных.

Пламя набросилось дико на хворост,
сложенный вместе; его языки небо лизали. Царь

Иданфирс, руки воздев, будто пытаясь в облаке белом омыть их,
такие слова произнес: - Боги

- Папай - отец и наш прародитель, и Апи, простите нам эту
скромную жертву, Освободим
великую Скифию от злобных заморских пришельцев,

Чтобы сразить их мечом или копьем. Или коня заарканить?»
«За ветром мы гонимся, брат...»
О, как сейчас ненавидел Дарий младшего брата за это пророчество!
И вновь его думы потяжелели.

Что скажут старшины и сотники войска его,
и все племена, им покоренные?
И пламень стыда полыхнул по лицу непобедимого.

И снова на спинах коней персы качались, в пути раздражаясь все
больше.
Нет - ни колодцев с водой,
Ни защиты от стрел, даже когда они на ночь становятся лагерем.

Скифы все больше наглеют,
Думал царь Дарий, сам от себя мысли скрывая тревожные;
даже во сне вносящие в душу его беспокойство.
Приснилось ему, что мост на Босфоре, построенный по велению его,
Звено по звену расплзается на пенистой глади пролива и некуда
Дарию ногою ступить,
Чтобы спастись ему от погони неведомых сил,
От копий летящих, как сны в последнее время.

И Дарий проснулся, вытер лицо потом покрытое, магов, глаза
отводящих
призвал.
Долго они с богом Ахурамаздой шептались. А утром, когда два светила
над Понтом
Добрыми взглядами, катясь, обменялись, он приказал старшинам и
сотникам,
верным ему,
Гвардию - конных и пеших - построить пред ним на равнине -
в латах и шлемах.
- Герои, - сказал, - чтоб воинский дух гвардейцам своим возратить,
- сам Заратустра* слова подсказал нам военного гимна...

Споем этот гимн!
Взгляните на небо, как солнце ликует! День принесет нам победу!
И в пятый раз явился Митре
В личине вепря,
Который летит вперед с острыми клыками!

И маги, руки воздев к высокому небу - граду, в котором бессмертный
Ахурамазда
Карающий Дария меч направляет, чтоб от нечистых землю очистить,
продолжили гимн:

Митре, владеющему широкими
пастбищами, поклоняемся мы.
Правдивому, красноречивому,
тысячеухому, чудесносотворенному,
десятетысячеглазому, высокому...
Он разжигает битву,
Он стоит среди битвы,
Разбивая ряды воинов вражьих...

И вдохновленные воины гимном тысячи копий в небо метнули и
тысячи стрел.

И тень над равниной прошла от множества их.

В красной от зноя пыли, шарами катящейся по равнинам, скифы,
как красная буря,
То удалялись, то приближались к персам, могучими стрелами
их изводящими,
Непредсказуемую тактику боя вели они, персов сбывавшую
с толку.

«Нет, с ними сражаться нельзя», - с досадой они царю царей говорили
Всё более мрачному от этих признаний.

Гимн не помог, Дарий которым пытался воинский дух каждого перса
поднять.

И вновь предостережение брата по сердцу Дария чиркнуло лезвием
острым.

«А это?» - Дарий нахмурился, насмешкой признав врагов своих
дерзкий поступок:
к ночному костру

Коня низкорослого с гривой до самой земли, приславших
или загадку ему загадавших?

Конь вышел из тьмы. В крупных глазах пламя костра полыхнуло.
Персы вскочили, и в дымном жиру (они насыщались) быстро вытерли
руки о плечи.

Недоумение было на лицах написано.

Но больше всего озадачило Дария то, что на крупе коня,
крепко привязанный,
сном отуманенный

Воин его, голову свесив, лежал.

Нет, это сверх всяких, в ум приходивших предположений;
Не странно было бы, если б он был обезглавлен.

Когда же окончились все удивления, персы опомнились: конь
красногривый исчез.
Мистический страх охватил ничего не боящихся
персов.
Как онемели, никто не услышал протяжного свиста вдали.

И гнались за скифами персы.
В топях, тростниками поросших, чавкали конские ноги;
тысячи злых насекомых,
людям болезнь приносящих,
Зудели вокруг, впиваясь в тела, проклинаящих заросли, персов,
кровью живой насыщались под панцири им проникая;
Их спины и плечи горели от жалящих тварей, ядом их кровь
разбавляющих.
А скифы - как будто и не было топей,
неслись - тростники лишь шуршали,
да птицы, фыркнув крылами,
из гнезд взлетали;

А скиф, обернувшись, с полуоборота на полном скаку, стрелу за стрелой
отпускал, свистнув своей тетивой.

Унылыми, день проведя в погоне за скифами, персы огни разжигали;
стали угрюмыми, неразговорчивыми.
Но Дарий пока что не думал, что бог Ахурамазда мечу его,
столько пролившему крови язычников,
На скифской земле положит предел.

Сеча

И вот, царь Иданфирс, обратившись к царям и вождям
племен ему преданных,
Важным персонам, одетым в плащи, красным золотом шитые,
с отделкою ценного меха,
сказал о решенье своем:
«Братья-цари, завтра мы персов царя ублажим, возможность ему
предоставим
с нами сразиться...
Там, - в даль указал он мечом, - где солнце восходит,
новый день начиная,
равнина лежит,
Которая станет полем нашей победы, полем позора
кичливого перса».
«Так! - блеснули глазами вожди и цари вдохновенно. -

Ты мудро решил, Иданфирс».

И скифское войско, немедля, клубы серые пыли взметая,
блистая тысячью копий и шлемов,
В даль поскакало.
И эта равнина, - еще за лиманами солнце не скрылось,
лучи в тростниках рассыпая, их взорам предстала,
Всех восхитившая широтой и величием.
- Здесь, - молвил царь Иданфирс, - мы развернем свои цепи;
Крылами орла, как пламенем сизым, охватим скифскую степь.
Охотники, в единоборстве со зверем свою доказавшие ловкость,
станут в первой цепи.
Агар станет рядом со мной. Я поведу вас на подвиг...

Не страх, но волнение скифы в груди ощутили. Приближение боя
кровь их горячило.
Жрецы, благодаренье богу Папаю и Апи - на этой равнине,
на жертвенник новых тельцов положили, и ароматы
в небо поплыли, струясь величаво.

Дарий

И вот,
В день последний последнего месяца лета, оповещенного Митре,
царь Дарий,
Отягощенный думами, в сердце проникшими, уснуть ему не дающими,
ложе покинул.
И то, что увидел могучий, край шатра золотого в сторону солнца
откинув, его поразило:
Вдали, на расстоянии нескольких стадий от стана его, под солнцем,
льющим потоки чудесного света,
На степь с травой пожелтевшей, на камыши на лиманах
торчащие, солнцу на дудочках гимны поющие, -
Скифов стояли ряды - конных и пеших, готовых к сраженью.
И не поверив глазам, вздрогнул великий
от неожиданно явленной
взорам картины.
«Ахурамазда услышал меня, - подумал. - Сейчас он жезл свой
вложит мне в руку...»
Но - странно, дух его боевой, будто уснул, кровь в жилах его
не взорвал,
не участил биения сердца,
Хищника глаз не зажёт
перед прыжком на долгожданную жертву.
А сколько ждал он этого часа, возможности нечистых согнуть

Но вот, грозный уху потер нервной рукой:
Скифов манёвр, никак не предвиденный персами, его лицо омрачил.
Когда копыта коней, подковами ярко блеснув, взлетели
над головами скифов первого ряда,
Скифы - вся цепь, по знаку царя резко присели,
И молниеносно, сверкая ножами, брюха рассекли коней.
И, конские внутренности: кишки, trebуха и все,
что в них содержалось,
рекой потекло по земле.

И кони взбесились,
Взвились, дико храпя и визжа от боли и страха,
воинов сбрасывая прямо себе под копыта,
Тут скифы, хватая за волосы персов, рубили им головы
и над собой воздевали,
кровью их руки свои омывая.

Не видели персы лица выраженье,
вдруг побледневшего Дария!
И Гобрий, латников умный начальник, речи лишился, опешил,
в лице изменившись.

Атака, (на которую столько персы надежд возлагали!), атака,
От которой зависел битвы дальнейшей исход войны всей,
позорно в ничто превратилась.
Персы - старшины и сотники, были черны, как рабы их.

Агар, словно хранимый богами, под стрелами дикими персов,
Сверкая пряжками пояса черного, казалось, одновременно
На флангах обоих, как солнечный луч появлялся с приказом царя.

И - пока скорби враги предавались в немом замешательстве,
скифы
Поспешно убрав с поля битвы братьев сражённных,
перестановкою сил занялись.
Царь Иданфирс, так же скорбя о погибших, тактику нового боя,
в кругу вождей и старшин на ходу обсудил.
И грозный их гимн над степью родной прокатился, и воины
вскинули над головами копыта свои и мечи.
Бей его в голову!
Бей его в грудь!
Бей его в сердце!
Бей его в живот!

Но вот, новая цепь войска персидского, - наперевес копыта могучие,
слившись в единое грозное тело,

пошла на скифские цепи.

И вздрогнула твердь под ногами их.

Миг напряженный и страшный.

Остался рывок, чтобы достать их, меч и копьё обагрить
в крови их нечистой...

Рывок лишь!

И дрожь, которую зверь ощущает перед прыжком, чтоб в жертву

зубы вонзить,

почувствовал Дарий.

Миг наступил долгожданный.

И в пятый раз явился Митре

В личине вепря,

Который летит вперед с острыми клыками...

Но что там? Царь вздрогнул и брови нахмурил, с холма наблюдая
за происходящим.

В растерянность впали придворные, что за спиною стояли его:

Скифы за уши зайца (всем хорошо было видно) пред лицами
персов первой цепи сотрясали.

О, как издевательски зубы лохматоголовых смеялись,
солнца лучи отражая.

И скрежет зубов искры рассыпал, царь был унижен таким
к себе отношеньем.

«Эти грязные скифы чистую тварь на глазах

идущих в атаку

бессмертных,

-Зайцу*, блеснув ножа остриём, голову напрочь отсекли».

О, как ярко брызнула кровь в лица первой персидской цепи!

И Дарий, негодованьем охваченный, в гневе,

мечом обезглавил

стоящего рядом раба.

Но на мгновенье, движение персов прервано было, - первая цепь
пришла в замешательство,
лица их стали белы, казалось смерть над ними
крылом колыхнула.

Скифы,

Не преминули воспользоваться их замешательством, - мигом

ринулись всею стеною на персов,

с напором быков разъяренных,

Что, не опомнившись, персы, резко на шаг отступили, и

Движением задних рядов, людей в тяжелом железе,

Сбили с твердого шага.
Вновь скрежет зубов Дария искры рассыпал.
Нет, день последнего месяца лета не был к нему благосклонен.

Ряды его войска мечами свирепыми скифов были разрублены;
Как зубы, зигзаги

по всей цепи обозначились,
персы

На всем протяжении скифами были теснимы.

И Дарий

Впервые угрюмо подумал о воинском духе врага, отваге его,
умень

молниеносно тактику боя менять.

И это они - пастухи, кочевники - млеко кобыльим питающиеся!

Ну что ж, Иданфирс...

Но, как не хотелось ему, вынужден был признать всемогущий:
инициатива сраженья

в руках дикарей оказалась.

Бой принял форму весьма необычную. И Дарий с холма
зорко, как ястреб, смотрел

На степь - на коней, встающих на дыбы, и на людей,
мечами блиставших,

На головы в шлемах слетающих с плеч, с глазами глядящими
в небо, как смерть, но все еще
хватаящих солнце.

И - нет, не бешеный смерч вскипал над равниной,
не Понт разъяренный в яростных молниях,
Но тысячи дико глядящих бесстрашных сцепившихся в схватке

друг с другом —

подобно лобастым быкам,

с глазами кровью налитыми,

носились

от края до края равнины.

Вскрики и стоны вбитых копытами в землю,

расположенных мечами,

свисающих с крупов коней

молящих о помощи —

Наполнилась ширь - такую прекрасную в утро последнего дня,
последнего месяца лета.

А черные птицы чертили круги все ниже и ниже к земле
опускаясь,

Будто ввинтиться желая в жертву, еще не упавшего наземь героя.

А бой становился все жарче - бойцы

не разъединялись даже и в смерти,

дух воинов пал и поднять его не было силы.
Нет, Митре он не был в огне среди боя стоящим.
Рушилась слава его на глазах. Воины
им покоренных племен
были трусливы и смерти боялись.
Гобрий - возглавивший в этом походе латников, знал
тяжелые Дария мысли.

Видел его на глазах постаревшим. И новые сотни бессмертных
Врывались и рвали скифов ряды, но эта кровь не принесла им победы.
Так день последний последнего месяца лета закончился.

Ночь

Над ристалищем тьму положила. И персы и скифы
войска свои отвели
С места, где смерть своё страшное сделала дело,
Чтобы земле предать погибших героев, а стонущих в поле
собрать, чтоб ночные собаки
Кровь их живую не пили.

И снова собрал в свой шатер царь Дарий военачальников,
стратегов и тактиков,
им предложив обсудить
План нового дня, одобренный, как заявил он, словом священным
Ахурамазды...

А утром - лишь солнце шаром по мокрой траве покатилося,
увидели люди и боги и содрогнулись,
Курганы чернее чем ночь возвышались, втиснувшись в небо,
как страшные пики,
черные пятна крови на равнине, да стаи птиц, летающих тучам
тенью ее покрывая,
и пали на лица

перед курганами холодом души живых охватившими.

И степь огласилась гулом души терзающим скорби.

И первый день первого месяца осени остановился над полем
вчерашних сражений:

Копий обломки, мечей на черной земле, да черные птицы
над черепами трудились,
Воинов, ночью не найденных, обглоданных диким зверьём,
укрывшимся где-то вблизи.

Агар, не знающий устали воин, шлем приладив к луке
Седла

С отделкою красной, шлем с множеством вмятин, - следов
Копий горячих и мощных мечей, рысью скакал по бранному полю,
По полю, которое миг лишь назад дрожало и дыбилось,

Как пенный Понт перед бурей;
Воин с лица на лицо тревожный взгляд перекидывал, братьев
В сраженье уставших, с копьями, к ладоням их прикипевшими,
Пока не увидел Агар меж тысячью глаз - глаза синее
Чем чаши степного цветка на стебле колючем – Опии, девушки
самой прекрасной на свете; кровь ликовала в жилах его.
Но снова воины шлемы надели; первые стрелы над головами
свистом смертельным пропели.

Последнее сражение

И вновь стена пред стеной, лицо пред лицом стали две силы.
Вот сотни бесстрашные персов сделали шаг; грани щитов их
и наконечники копий, пернатые шлемы,
Грозно на солнце блеснули.

И вновь царь царей духом воспрянул; ускоренной кровью
по жилам его потекла:

Разве скифам под силу остановить это шествие?!

Сегодня скифы поймут ум превосходящий

военачальников-персов

над их примитивным умом.

Скифы стояли, казалось так же любясь шествием персов

или пытались понять движение Дария мысли.

И вот, тысячи стрел с хитрой зубриной скифы пустили в первую
цепь,

вот воюющие по-волчьи копья, дугу изогнув, полетели,

Вонзившись в первого ряда щиты.

Но персы не дрогнули. Будто стальная громада, они надвигались на
скифов.

И царь Иданфирс, наблюдая за шествием персов,

так же любясь рядами бессмертных,

Отдал Агару приказ и тот, забрало поправив и меч обнажив,

Помчался по полю, взвихрив тяжелую пыль за собой.

И скифы пошли в наступленье, лишь фланги не двинулись с места.

И скифов первая цепь, и персов - будто две океанских волны,

Вспенясь, на линии смерти, ударились грудью, сошлись.

Вот первые копий удары ломающих стену, вот первые стоны,

вот первые звуки походной трубы –

День первый первого месяца осени над скифскою степью услышал.

Сила рушила силу, персы такого напора предположить не могли,
каким оказался он в это

Кровью запахшее утро.

Сопrotивляясь, персы назад отходили. Был это хитрый маневр.

А фланги их - левый и правый, коней горяча, были готовы

по первому Дария знаку
Скифов, обманно, втянув за собой отступленьем, как в горловину,
с флангов ударить, и окружив
уничтожить.

Но царь Иданфирс этот манёвр разгадал: он приказал
передним рядам отступить.

И было - нет, но, казалось, поле горело меди огнем
доселе невиданной битвы.

И Дарий, и царь Иданфирс, прекрасно все понимали:

Этого боя исход - победу одним принесет, паденье другим...

Опия - волос ее вырывался наружу из-под забрала, в доспехах
подогнанных ладно,

Меч двумя руками сжимая, била по шлемам,
встающих персов перед нею;
пот ей глаза застилал.

И вот глаз ее зоркий заметил: скиф, окруженный персами
слева и справа,

Подобно медведю - сурово, напористо, работал мечом и копьем.

А персы, огонь излучая оружием, на скифа бросались, как волки,
рычали, храпели, визжали, стараясь вонзить
в грудь его мощную, копьё или меч стали кровью живою
червленными.

И вот, изловчившись, перс с цветами на шлеме, с тылу готовясь
рассечь
неустранимого воина-скифа, вскинул свой меч,

Но, молнии дикой быстрее, Опия, с полной оттяжкой мечом удар
нанесла

Охмелевшему в ярости персу.

Скифом она восхитилась: мечом его тяжким, за Понтом добытым у
греков
за шкуру медвежью,
откованный греком по силе его.

«Это охотник Агар!» Она отгадала. Один лишь

Так может метнуть на охоте копьё, что вепря за целую стадию
насквозь пронзит...

Бой продолжался.

За ним с возвышенья, Дарий, мрачней, следил. Персы в безумной
погоне за скифами были измотаны, явно
в силе теперь уступали врагам.

И вспомнился сон:

Бог Ахурамазда явился ему с жезлом победы,

но чьей? не сказал и, как дым растворился пред Дарием;

И Митре могучий не стал среди страшного боя, как думали маги,
чтоб вдохновить

духом упавших на сече
и новой победой прославить Дария имя.
А царские думы все были мрачнее;
Он понял трагедию всю, столько племен пред собой

на колени
поставив!

Вдруг все потерять!

И власть над племенами, им покоренными,
И славу.

Лицо его вспыхнуло при мысли одной, что будут с презрением
имя его называть.

О, сколько бы он заплатил, чтобы престиж сохранить пред миром,
им завоеванным!

Чтоб скифы - зубами дразнящие, лохматоголовые твари,
позора не видели Дария, паденья его

С высоты зоркоглазого коршуна.

Поверженный! Страшно подумать, насмешки кривые
его приближенных увидеть.

И белые искры скрежет зубов его высек...

Он видел сквозь клубы багровые пыли
Войско свое в беспорядке паническом, бросая тяжелую медь,
спешило на мост через бурный Босфор. Да, это позорный конец.
Даже сотни бессмертных, верных царю,
Сносили они на пути движеньем своим; было подобно оно,
глыбам летящим,
вулканом вздыбленных гор.

Он видел людей боевых,
С ним на триерах в волны завернутых, Понт переплывших кипящий
И вот они - трусы...

И видел вдали сквозь завесу горячую пыли,
скифов царя - Иданфирса,
С мечом, червленым в крови персидской; был он прям и красив,
сильная воля во всем выражалась.

И тут он впервые подумал о скифском вожде с уваженьем,
С завистью даже: вот военачальник, с которым он, Дарий, весь мир
положил бы на лица!

И где-то мелькнули в его голове слова Иданфирса
в ответ на посланье его:

«За то ж, что назвал ты себя владыкой моим,
заплатишь ты дорого, Дарий...»

А вскоре, на дальней возвышенности, куда царь царей
был вознесен с колесницей,
Багровая пыль поднялась, и колесница исчезла.

Персом булат занесенный.

И вот, переступая через сморенных бойцов, спящих, кто в небо лицом,
Кто в землю родную так крепко –
Земля содрогнись - не проснётся - единственную в мире искал
Покоренный Агар силою чувств Опии,
доселе ему неизвестных.

Хранители скифов - боги Папай и прекрасная Апи, сжальтесь над ним.

А воины спали.

Пять лун на лица их белые падали росы, пять зорь
ручейками сбегали
к их изголовью,

Пять громов осенних вдали прогремели –
Ничто не могло разбудить их и даже звери лесные
не смели приблизиться к ним,
Лишь издали, морды подняв, нюхали воздух.

И ворон, вестник ужасный, сжимая в желтых когтях,
кость уносил
в неизвестные дали,

Оседая от тяжести чрева после великого пира.

И вновь по горизонту при яркой послевоенной звезде
Костры покатались, подобно горящим в луне колесницам
Искры швыряя в синие, синие травы...

2001 -2003 гг.